

Невидимые и немые

Отрывки из автобиографической книги
«Прочерк» Лидии Чуковской, жены Матвея
Бронштейна, расстрелянного в 1938 году
и погребенного в Левашове

Тогда не спрашивали друг у друга: «как вы думаете, за что арестовали Ивана Алексеевича?», но: «по какой линии?», а линий было великое множество и самых разнообразных, а потому в ответ на заданный вопрос можно было услышать: «по линии глухонемых», или «по линии поляков», или «по линии библиотекарей».

Массовость пострадавших усугублялась тем, что в «тридцать седьмом» совершались в обязательном порядке расправы не только лично с «врагами народа», но и с членами их семей: дети — в особые детские дома; братья, сестры, тетки — вон с работы! а жены и матери в лагерь. Или в Казахстан — в степь. В соответствии с рубрикой «член семьи врага народа».

Интересно было бы заняться статистикой: если жертвы исчислялись миллионами, то в каких цифрах следует исчислять палачей?

* * *

Страна трудилась и спала под усыпительно-обличительные речи газет и радиотарелок. Трудились на полях, на заводах, в литературе, в науке, в живописи, в киноискусстве. Иногда с ленцой и бездарно, карьеристски и подхалимски, иногда с пафосом и вдохновенно. Оттрудившись, люди отдыхали: совесть спокойна. Пожалуй, это и было самое страшное.

* * *

Тюрьмы, прокуратура, НКВД отделены были от остального мира двойным оцеплением: вооруженной охраной и толпами осиротелых людей. Подойти к окошечку, где в тюрьме выдавали справки, а иной раз снисходительно принять 15 рублей, было не то что опасно, — а не подойдешь. В кабинет прокурора, где объявляли приговор, тоже. В Большой Дом —

тоже. Толпы кочующих женщин сами заслоняли от себя желанные двери.

Удивительные это были толпы. На вокзалах, в магазинах, на рынках люди шумят, толкаются, бранятся, спорят. Тут толпы беззвучные, еле видимые. Операция по изъятию «врагов народа» производилась в крупных городах многотысячная, соответственно и родственников многие сотни тысяч. Усилия власти направлены были на то, чтобы толпы эти обрели два основных качества: беззвучие и незримость.

Усилия — успешные. Обрели.

Беззвучие достигалось легко: если женщины задавали возле тюремного окошка или перед столом прокурора излишние вопросы или между собою разговаривали чуть громче шепота — справочное окошко захлопывалось, дверь в прокурорский кабинет запиралась.

Надолго? А как вздумается. Потому и боялись разговаривать, расспрашивать громко, настойчиво: ведь если ты будешь себя тихо держать, из окошка могут швырнуть тебе желанную кость — весть, а заговоришь погромче, и захлопнется окно и ты снова погрузишься в безвестие. Ты — и она, и она, и она, и все.

В комнатухах деревянного флигеля возле тюрьмы на Шпалерной, 25 (ул. Воинова); в огромных многооконных и многооконных залах Большого Дома у Литейного моста; в Военной прокуратуре на Литейном; возле Крестов на Выборгской стороне; в Гражданской прокуратуре на улице Гоголя; в Пересыльской тюрьме возле вокзала —ладычествовала тишина. Только безропотно покоряясь тишине, можно было сохранить надежду на малейшее известие: вы был? здесь? Разрешены ему деньги или не разрешены? Следствие еще ведется, или приговор уже вынесен? Надеюсь на крохи известий, немели — прочно...

Система невыдачи справок налажена была отлично и работала без перебоев. Вопросы хоть и шелестящие, тихие, но тревожные, отчаянные: здоров ли? болен? Когда же кончится это недоразумение и он вернется домой, ведь он невиновный? Когда же нам разрешат наконец свидеться? Когда передать вещи?.. Ответы безжизненные, стереотипные, и их наперечет: «выбыл»; «дело следствием ведется»; «дело следствием окончено, обратиться в прокуратуру».

В прокуратуре, военной или невоенной, объявляют приговор: кому «8 лет», кому «5 лет» — ну это еще слава богу, потому что хоть свидание дадут накануне этапа и примут вещи в Пересыльной тюрьме, и ни жену, ни мать не вышлют, только с работы сгонят — а хуже всего: «10 лет дальних лагерей без права переписки с полной конфискацией имущества». Тогда ничего не разрешат: ни вещей, ни свидания, и сама жди ночных визитеров — уже за тобой! — или путевки в степь.

Прокурор сидит за столом развалась и чистит ногти, поглядывая в окно, женщина стоит перед ним: стульев в кабинете для посетителей нету. Вопль: «Господи, да за что же это — 10 лет! Ведь он неповинный!» — «Муж ваш сознался в своих преступлениях. Мы располагаем признанием подсудимого». — «Да что же он сделал?» — она протягивает прокурору как несокрушимый довод невиновности листы: почетные грамоты, врученные мужу «за доблестный труд». Прокурор не глядит: «Я уже сказал вам, гражданка, мы располагаем». — «Да что же он такое сделал?» — «Не мешайте работать. Следующий».

Умолкла. Уходит. А не то прокурор прекратит прием и товарки ее на лишние часы останутся подпирают стену в коридоре.

Город, в котором пытали и убивали с утра до ночи и с вечера до утра, ничего не должен был знать ни о палачах, ни о замученных и убиенных. Ни о вдове, ни о матери, ни об осиротелом ребенке. Город читал в газетах, слышал по радио и на собраниях о каких-то кем-то подосланных «врагах», пускавших под откос поезда? (Фотография: искореженные вагоны и трупы пассажиров. Боже мой! Дети! Мертвые дети на железнодорожных путях!) Продавшиеся империалистам негодяи, пускавшие под откос поезда, во всеуслышание признавались на открытых процессах, что они не только детей, что они готовили покушение на самого товарища Сталина! Город верил. Город не верил.

Ну, то враги, нелюдь, чудовища, их разоблачили, поделом вору и мука. А почему это, спрашивается, арестован твой кротчайший, тишайший сосед по квартире Георгий Степанович? Он-то никем не подослан, ты его с детства знаешь. Какой он враг — Георгий-то Степаныч? Советский человек, труженик, работающий, честный.

Левашово. Судьбы

БРОНШТЕЙН
Матвей Петрович

Родился на Украине, в семье врачей. В 1930 году окончил физфак ЛГУ, через пять лет получил степень доктора физико-математических наук. Известен классическими работами в области релятивистской квантовой теории, астрофизики, космологии и теории гравитации. Был женат на Лидии Корнеевне Чуковской, дочери знаменитого детского писателя. Арестован 6 августа 1937 года в Киеве, во время отпуска. Выездной сессией Военной коллегии 18 февраля 1938 года приговорен к расстрелу. Расстрелян в тот же день. Возможное место погребения — Левашовская пустошь.

Лидии Корнеевне было объявлено, что приговор мужа — «десять лет без права переписки, с полной конфискацией имущества». Корней Иванович Чуковский пытался заступиться за Матвея Петровича. О том, что Bronshteyn уже давно нет в живых, писатель узнал только через два года хождения по инстанциям. Лидия Чуковская не теряла надежды и в 1940 году добилась встречи с начальником Управления НКВД СССР по Ленинградской области С. А. Гоглидзе: тот подтвердил, что М. П. Bronshteyn погиб.

Город сомневался. Искал объяснение.

Вот что, догадывалась коммунальная квартира: Георгий Степанович — ошибка! Взят по ошибке. «Погоди, разберутся и выпустят»; «ведь вот сколько их оказалось, подлых врагов этих — поди разберись сразу». «Ошибки — они в любом деле случаются».

Убедительнее всех жена: «ведь вот мы с тобой ничего не делаем против, нас и не трогают... Да и кто его знает, Георгия-то

Город, в котором пытали и убивали с утра до ночи и с вечера до утра, ничего не должен был знать

твоего Степаныча? может быть, он хорошей работой маскировался, а сам шпионил... Ты с ним в одном классе? Ну и что? Чужая душа — потемки».

Да. Чужая душа потемки. В особенности когда в потемках заплуталась собственная твоя душа.

Город жил своею обычной жизнью: работал, учился, влюблялся, читал газеты, отдыхал, ➤

слушал радио, ходил в театр, в кино, в гости. Усердно справлял дни рождения друзей и близких. Семьями съезжался на «майские» и «ноябрьские». Весело встречал Новый год...
Быть может, это и было самое страшное.

* * *

... Я вошла в кабинет военного прокурора. Фамилию забыла. Но его не забуду никогда. Это роскошный, столичный прокурор, широкогрудый красавец, свежесбритый, пахнувший дорогим одеколоном и дорогой папиросой. Не обшмыганному горбуну чета. На огромном столе аккуратно разложены папки. Сам сидит в кресле, и для посетителей — кресло. «Садитесь, — сказал он любезно. — Садитесь, пожалуйста». Я села. «Вы говорите — Бронштейн, Матвей Петрович? Сейчас, сейчас. — Взглянул на меня весело, словно приглашая на вальс. — Сейчас мы поищем, сейчас мы найдем». Улыбаясь, потянул к себе какую-то папку и лакированными ногтями развязал тесемки. «Вот мы и нашли, — радостно пропел он. — Бронштейн, Матвей

Петрович, верно я говорю?» Я кивнула. «Вот мы и нашли. Приговор Выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР...»

Он захлопнул папку и поднял ко мне свежее, румяное, приветливое лицо.

— Десять лет дальних лагерей без права переписки с полной конфискацией имущества.

Ударение он почему-то сделал на слове «полной». И нажал кнопку звонка. Вошла секретарша. «Следующий!» И мне:

— Всего наилучшего!...

...Дороги назад к Любове Эммануиловне я не помню. Наверное, ехала я в метро от тогдашней станции «Охотный ряд» до тогдашней «Метростроевской».

Десять лет дальних лагерей без права переписки. Я уже не раз слышала в очереди такую формулировку.

10 лет. 10 лет я не увижу Митю. Ничего о нем не узнаю. Он лишен права переписки, а я? Он не может мне писать, а я — ему?

Что нам с Корнеем Ивановичем делать теперь? Добиваться, чтобы лагеря были не дальние, чтобы нам разрешили переписываться, дали свидание, разрешили посылку, чтобы Митю в лагере использовали не для черной работы, а по специальности? Мысли мои были смутны и сбивчивы. Я, сколько ни напрягала воображение, по-прежнему не могла Митю увидеть. Теперешнего Митю, Митю-арестанта. Словами «десять лет дальних лагерей без права переписки» он был от меня заслонен, как опустившимся занавесом. Хочу вообразить Митю, а воображаю чей-то почерк: «10 лет дальних лагерей...» Я видела ясно округлые буквы, а не его лицо. Слышала голос прокурора, а не Митин...

* * *

...Помолчав еще минуту, Яков Семенович заговорил. Он сказал, что приговор «десять лет дальних лагерей без права переписки с конфискацией имущества» обозначает расстрел. Что прокуроры не любят слишком часто употреблять слово «расстрелян» и предпочитают в разговоре с матерями и женами объявлять нечто менее вразумительное — «дальние лагеря», — но зато более обнадеживающее, «десять лет», всего десять лет, а не вечность! — чтоб избежать обморока, криков и слез. Что за женами тех, кто получил 5 или 8 лет, не приходят, их лишают работы, но не выселяют и не ссылают, а вот жен расстрелянных раньше отправляли в лагеря и в ссылку непременно, если только вовремя они не бежали. (Он говорил об эпохе Ежова, длившейся с конца 36-го по конец 38-го.) Потому за мной и приходили в феврале 38-го, что Матвей Петрович получил высшую меру. Что, если бы Матвей Петрович был жив, Голяков отдал бы распоряжение о пересмотре дела — с 39-го года такая практика существует, в особенности если за кого-нибудь хлопочут именитые люди. Пересмотрели же дела Любарской, Ландау и еще некоторых! Пересматривать же дела убитых? ни в коем случае. «Иначе выйдет, что человека расстреляли зря, — сказал Киселев, — а у нас, случается, по ошибке аре-

Левашово. Судьбы

БЕРКУТОВА
Елена Михайловна

Родилась в 1885 году в Литве. Ее отец — дворянин, офицер, участник войны в Болгарии за освобождение Шипки. Был тяжело ранен и умер. Мать — баронесса фон Цельхер-Немиро, умерла. Будучи сиротой, Елена Михайловна определяется в Николаевский сиротский институт, где проявляется ее талант к пению. На императорский счет ее переводят в Смольный институт, она учится в консерватории. Великий князь Константин Константинович Романов приглашает ее участвовать в благотворительных концертах. В память о ее выступлениях ей преподносят бриллиантовую коронку — заколку для волос. После Смольного института Елена Михайловна окончила Бестужевские курсы и продолжала изучение иностранных языков, которых знала одиннадцать. Во время Первой мировой войны была сестрой милосердия. Муж Елены Михайловны погиб в Гражданскую войну, она воспитывала двоих детей. В школе иностранных языков работала преподавателем, переводчиком. В 1935 году — преподаватель немецкого языка в одной из школ поселка Красное Село Ленинградской области. Особой тройкой УНКВД по Ленинградской области приговорена к расстрелу (ст. 58-10 УК РСФСР к ВМН). 13 сентября 1937 года расстреляна. Реабилитирована 2 ноября 1956 года. Возможное место погребения — Левашовская пустошь.

Фото Владимира Шраги/ТАСС

ставывают — ошибки возможны, — но расстреливать по ошибке? никогда»...

Какая же это фантастика? Без полета, безо всякой выдумки, без новизны, без всякой пищи для воображения? Фантастикой не назовешь. Убогий набор одних и тех же преступлений — шпионаж, вредительство, участие в террористической организации. Повторяется, как узор на обоях, в миллионах обвинительных актов.

Машинопись с опечатками, переписанная руками безграмотных машинисток, сочинение — чье? Даже попросту ахинеей не назовешь, потому что ахинеей похожа на бред, а бредят люди разнообразно. Скорее штампованная ахинеей. Самое мучительное в ней для обвиняемого — конечно, список друзей и знакомых, а иногда и не друзей и не знакомых, которых подследственный подписью своею подвергал той же муке. «Друзей с собой на плаху весть / Над гробом слышать их проклятья». Где ему было знать, чье имя выбивают из него, чтобы арестовать, а чье — впрок (...).

Я не знаю, в каком состоянии был его мозг, когда он подписал штампованную ахинеей, ведущую одних на свободу, других в лагерь, а его самого — единственного в этой организации — на расстрел.

Хочу вообразить Митю, а воображаю чей-то почерк: «10 лет дальних лагерей...»

Матвей Петрович Бронштейн был убит 18 февраля 1938 года, в подвале Большого Дома. Погребен — насколько я могу судить на основе сопоставления дат — под Ленинградом, близ станции Левашово, на пустыре, где в 1989 году обнаружены были останки тех, кого убивали от июля 1937 до самого «ленинградского дела» 1953-го. **ф.**

Подготовила
Валерия Михайлова

Редакция благодарит за помощь в подготовке материала Анатолия Яковлевича Разумова, руководителя Центра «Возвращенные имена» при Российской национальной библиотеке, составителя и редактора Книги памяти «Ленинградский мартиролог», автора книги «Левашовское мемориальное кладбище», члена Петербургской комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.